

Книгу «Заметки о русском» я прочёл раньше, чем узнал о том, что в 1993 году автор «Заметок» академик Д.С. Лихачёв подписал известное Письмо либеральной общественности к президенту РФ Б.Н. Ельцину с требованием запрета всех видов коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений, газеты «День», и совершения других антиконституционных действий, не имеющих ничего общего с демократией. На первый взгляд, содержание «Заметок о русском» противоречило идейной направленности авторов «письма 42-х».

Большой столичный интеллектуал, автор фундаментальных трудов, посвящённых истории русской культуры и русской литературы, Дмитрий Сергеевич Лихачёв в своих «Заметках» утверждал следующее: «...читателю нужна нравственная позиция писателя»; «Творцами русской классической литературы выступали авторы, обладавшие громадной общественной ответственностью»; «Нравственности в высшей степени свойственно чувство сострадания».

Эти мысли автора книги обнадёживали.

Однако, вернувшись снова к чтению «Заметок о русском» после знакомства с тем «запретительным» Письмом, я понял, что эта работа известного учёного полна противоречий! В рассуждениях автора можно отыскать очевидные нравственные пороки либерального сознания, когда ради узкогрупповых политических целей рушатся все законы логики, искажаются очевидные исторические факты. Примкнувший к либералам автор может обо всём рассуждать очень глубоко и научно, но только до того момента, когда надо дать оценку *русскому национальному сознанию*. Похоже, здесь почти любой из представителей либеральной творческой интеллигенции чувствует угрозу своему положению со стороны патриотических сил в обществе, и теряет научную стройность рассуждений.

Возможно, еще с революционных времён определённая часть российской интеллигенции своих сограждан по-прежнему боится. За любыми попытками объединиться по национальному признаку ей видится бунт — «бессмысленный и беспощадный». Народная русская стихия часто не совпадает с ценностями и стилем жизни либерала, у которого другие оценки и приоритеты. Чтобы быть *своим*, надо соответствовать принятым в этой среде стандартам. Академик Д.С. Лихачёв на всякий случай проявляет осторожность, и в «Заметках о русском» демонстрирует необычайную идейную гибкость при обсуждении таких понятий, как патриотизм и национализм.

Ну вот, например, как автор оценивает патриотизм — «это благороднейшее из чувств. Это даже не чувство — это важнейшая сторона и личной и обществен-

ной культуры духа». И тут же с осуждением говорит о национализме — «этом самом тяжёлом из несчастий человеческого рода». В положительном значении любовь к своему народу и его традициям — для подписанта Письма 42-х просто не существует. У других же народов — это естественное природное чувство. А в «Заметках о русском» в отношении национальных чувств русских утверждается, что это только зло! И, по мнению автора, «порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам, и к той части собственного народа, который не разделяет националистических взглядов». Да, только «злоба» — без вариантов. Положительный «национализм» в виде переживаний граждан-патриотов за судьбу своей родины исключается. О них в «Заметках» не сказано ни слова. Почти всё положительное у автора — безадресно и абстрактно. Похвалить за что-то именно русского — не хватает смелости. Непонятно, зачем материалу дан такой заголовок?

«Заметки о русском» пишет учёный, у которого на глазах начался двадцатый век, создавался Советский Союз, собравший воедино сотни национальностей и народностей в одно великое государство. Это пишет человек, который родился в 1906 году, поэтому еще застал православную Россию, которой всегда была чужда ненависть к другим народам. (Лихачёв прожил почти весь двадцатый век и умер за год до его окончания.)

В одном месте «Заметок», чуть не единственный раз, сам Дмитрий Сергеевич признаёт, что в тех слоях русского общества, «которые всегда были связаны с русской национальной культурой — в крестьянстве, в интеллигенции и у потомственных рабочих <> меньше всего национализма».

Очевидно, это утверждение приведено в качестве примера для нынешних поколений русских людей. Им предлагается жить «тише воды, ниже травы». Всякие рассуждения о развитии национальных традиций, обычаев осуждаются как проявления порочного чувства национальной исключительности и шовинизм!

Это глубоко несправедливое гонение на патриотов и государственников имеет у нас в России давнюю историю. Писатель, главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин в своих воспоминаниях пишет о том, как трудно было проявить себя писателям-деревенщикам (прозаикам, русским патриотам, избравшим для своих книг тему жизни в деревне) во второй половине 70-х годов. Против их активного участия в культурной жизни страны выступал отдел пропаганды ЦК КПСС, «...где со времён А.Н. Яковлева окопались прогрессисты, ко всему национальному относящиеся с подозрением», а главный редактор общесоюзной «Литературной газеты» А.Б. Чаковский в те времена лично был настроен к писателям-деревенщикам» враждебно.

Надо было нам всем дожить до такого торжества «прогрессистов»-космополитов, чтобы они могли открыто проявлять к патриотам-государственникам «враждебность и подозрения» при, казалось бы, полном торжестве коммунистической идеологии. Стоит ли удивляться после этого развалу СССР.

А ведь у писателей-деревенщиков были произведения, которые ярко освещали сельскую культуру и жизненный уклад. В их книгах с болью говорилось о проблемах, с которыми сталкивался крестьянин советских времён. Крестьян у нас в России всегда было большинство. Из их же среды выходило и большинство новых горожан. Разве можно было пренебрегать изучением и показом особенностей их культуры и быта? Без этих знаний вряд ли возможно было грамотно и эффективно заниматься культурным воспитанием народа.

Председатель Советского фонда культуры, автор «Заметок» с этой «пятой колонной» почему-то не борется, русофобию как опасное явление нигде не упоминает. Он лишь даёт абстрактные полезные советы. Дмитрий Лихачёв предлагает представителям российской интеллигенции *«развивать свою эстетическую восприимчивость, которая разовьёт человеческую терпимость по отношению к другим культурам, иноязычным или других эпох»*. Здесь он проявляет солидарность с мнением русского философа Н.И. Ульянова, который писал: *«только возлюбив чужую культуру и чужой народ как свои собственные, можно стать истинным космополитом»*. Однофамилец Ленина в эмиграции дожил до 1985 года. Возможно, зная труды диссидентов из СССР, философ с горечью убедился, что российские космополиты «русской культурой» считали только творения своих единомышленников, чаще всего русофобские по своему содержанию.

Странно, что автор «Заметок о русском» академик Лихачёв не вспомнил о «терпимости», когда, подписав Письмо 42-х, заклеил в нём своих политических противников — фашистами! Либеральному интеллигенту мало того, что терпимость православного русского человека за последние три века просто зашкаливала. При царском дворе Петербурга с XVIII столетия хозяйничали немцы, и капралы из Пруссии назначались генералами русской армии. Потом Россию опутали масонские ложи, прибравшие к рукам органы управления и вместо православия часто исповедавшие протестантизм.

Прозападный интеллигент России XIX века не требовал «эстетической восприимчивости» от своих сторонников, например, по отношению к славянофилам. Их газету «День», которую издавал И.С. Аксаков, запрещали в 1862 году.

В двадцатом веке гонение на инакомыслие повторилось в виде требования закрыть другую газету «День» под редакторством настоящего русского патриота Александра Проханова. Как всё повторяется! Либерал сразу хватается за крайности, он часто готов «забыть» про любые демократические принципы, когда речь заходит о национальных проблемах русского народа. Не избежал подобных крайностей и Лихачёв. В книге «Заметки о русском» он даёт определение российского интеллигента — *«человек особой складки, терпимый, лёгкий в интеллектуальной сфере общения, не подверженный предрассудкам, в том числе шовинистического характера»*.

Автор «Записок» продолжает писать вроде бы правильные слова. Но заканчивает тираду такими выводами: *«интеллигенция есть еще категория нравственная... Интеллигенция никогда не была националистической, и не имела ощущения своего превосходства перед «простым народом», над «населением» (в его современном оттенке значения)»*. Ну, тогда ни один либерал не имеет права называться интеллигентом. По части гордыни и презрения к «маргиналам», «совкам» и «нищebroдам» — ему нет равных! Либерал не может называться интеллигентным и культурным человеком, согласно другому определению Лихачёва о том, что *«интеллигентность — это умение понимать людей иных культур и разнообразный круг произведений искусства, широкий круг чужих идей, сохранивший навыки умственной социальности»*.

Академик почему-то не упомянул о необходимости либеральной интеллигенции понимать «простой русский народ». Об этом никто из идеологов либеральной интеллигенции старается вообще не писать, а если по содержанию материала ему приходится это делать, старается называть «русскими» только своих единомышленников. Очень наглядно такой приём подмены ради своих идеологических целей де-

монстрирует проживающий сейчас в США публицист Марк Тальберг. В газете «Завтра» он недавно опубликовал статью «Птица радости и птица печали», где утверждает, что: «к собственно РУССКОЙ литературе и поэзии следует отнести всю «большую четвёрку»: Ахматову, Цветаеву, Пастернака и Мандельштама, а также Бродского и всех верных «птенцов гнезда ахматова», из которых наиболее известным является Андрей Вознесенский».

Возьмём из этого списка Тальберга хотя бы одно имя, которое чаще всего упоминается в литературоведческих статьях. Осип Мандельштам, безусловно, настоящий интеллигент, но другой формации. Это ни хорошо и ни плохо само по себе — это свойство определённой творческой личности, проживающей в России. Вот что пишет о нём поэт Юрий Кублановский: «Люблю стихи Мандельштама, но мирочувствование его — мне совсем чужое. Например, он писал: "Никогда я не мог понять Толстых и Аксаковых. Память мне не любовна, и работает она не над воспроизведением, а над отстранением прошлого"». Кублановский заключает цитату словами: «Это еврейско-эсеровское соображение, ну никак не моё».

Вряд ли кто-то будет спорить, что отличительной чертой русского «мирочувствования», его питательной средой является как раз память о прошлом, частое обращение к историческому опыту своих предков. Для Кублановского как читателя «лирическая энергетика (Мандельштам — В.С.) и сила поэтики выше мировоззренческой чуждости». Личное дело Кублановского — так судить.

Но для кого тогда поэт Мандельштам «русский», в смысле глубокого выражения народной души? Для меня в этом смысле он — чужой! Хотя в лучших своих работах поэт является частью нашей общей культуры. И его стихи — у меня всегда в домашней библиотеке.

Но поклонникам «русских поэтов» из числа либералов и «демократов», похоже, хочется занять всё духовное пространство России своим «мирочувствованием» и своим «миропониманием». Я множество раз убеждался в верности своих догадок. Эта «экспансия» — необычайно целеустремлённа. Опровергая известное выражение «нет пророка в своём отечестве», люди духовно «пришлые» пытаются назначить большинству граждан РФ (русских по своему менталитету) «пророка» почти принудительно из числа «своих», то есть, меньшинства, которое воспитано совсем иначе, исповедует иные взгляды и вкусы. (Слово «пророк» здесь употребляется, как образ, только в связи с пословицей — нет пророка в своём отечестве.)

При этом «агитаторов» абсолютно не волнует, что сам кандидат в национальные русские поэты вырос в семье, где многие поколения исповедовали совсем другую религию, что ребёнком и подростком он читал совсем другие сказки. История России была для него непроницаемо тёмным чужим прошлым.

Яркий пример «силового» навязывания «пророка» — ажиотаж, который имел место в 2017 году в журнале «Огонёк» вокруг имени писателя, драматурга и киносценариста Фридриха Горенштейна. Еще в 1980 году этот талантливый и необычайно сложный по своему складу творческий человек эмигрировал из СССР. В 2002 году он умер!

Вот какие отзывы оставляли в интернете читатели его произведений: «Горенштейн — чистый яд со страниц, после его повестей жить не хочется совсем, но и умирать тоже не тянет. Чувствуешь тяжёлое бремя существования в вечном чистилище, из которого нет выхода. Мир в повестях Горенштейна всегда враждебен, агрессивен, злобен, полон клаустрофобии и агорафобии одновременно».

Но вот журнал «Огонёк» через пятнадцать лет после смерти писателя начи-

нает идеологическую кампанию по «внедрению» своего «пророка» в отечество, которое оно считает «своим» в плане идейной экспансии. Привожу отрывки из одного интервью в журнале «Огонёк» 2017 года. Это не интервью — это гимн!

«Его (Горенштейна — В.С.) место в русской культуре еще только вырисовывается»; «В Европе выходят статьи, где его сравнивают с Толстым и Достоевским»; «Горенштейн — подлинное явление, он плоть от плоти классической русской литературы»; «Дать занять ему подобающее место в русском культурном сознании — серьёзная работа, которая еще не проделана, но должна быть, и, я уверен, будет проделана».

Предлагаю самим читателям представить себе духовное состояние русского человека, у кого в сознании подобающее место заняли мрачные идеи Горенштейна. Эмоционально открытый, верующий не умом, а сердцем — православный человек под их влиянием может превратиться в свирепого монстра. Герой Достоевского Дмитрий Карамазов по сравнению с ним покажется светлым ангелом во плоти!

Автор «Заметок» Д.С. Лихачёв вновь пишет правильные слова, которые явно не понравятся либералам: *«Человек воспитывается в определённой, сложившейся на протяжении многих веков культурной среде, незаметно вбирая в себя не только современность, но и прошлое своих предков».* Позвольте спросить, если Мандельштаму «прошлое Аксаковых и Толстых не любовно», то как он может быть представителем именно русской культуры во всей её полноте как национальный поэт?! Здесь важна широта охвата народной жизни, важен неповторимый угол зрения. В.В. Розанов ставил Льва Толстого выше всех русских писателей-классиков именно за *«благородство и серьёзность цельного движения жизни».* Эту цельность Лев Николаевич приобрел в боях за Севастополь, в долгом общении с крестьянами. Даже толстовское «непротивление злу» В.В. Розанов считал русской стихией, обусловленной — *«беспорывной природой восточно-европейской равнины».*

В формировании национального сознания важно всё: климат, жизненный уклад, все национальные способы поддержания духа. Известно, что перед штурмом альпийских гор русские солдаты под командованием Александра Суворова по его приказу до блеска чистили свои сапоги, как на военный парад, гладили и чинили свои мундиры. Суворов знал, как мобилизовать родных ему людей.

Не только в военном деле, а во всех общественных делах важно знать подход к душам представителей данного сообщества. Надо помнить все тонкости общения с ними. Надо любить их, наконец. Ничего этого наши привилегированные сословия не умели. И за редким исключением были чужими народу, среди которого жили.

«Невостребованная премия князя» — так называется в интернете заметка о том, что старый князь Болконский из романа «Война и мир» учредил премию для того, кто напишет историю суворовских войн. Лев Толстой сознательно предложил эту идею обществу. Но в реальной российской действительности никто не отважился на подобный труд, а из власть предержащих никто идею не поддержал.

Вспоминается прочитанный в одной книге рассказ о том, как преподавал литературу в США наш (условно говоря) писатель Владимир Набоков. Когда американские студенты, поражённые высоким патриотическим настроением романа «Война и мир», пробовали узнать у Владимира Набокова секрет великой победы наших воинов над войсками Наполеона в 1812 году, потомок представителей русской

дворянской «элиты» нервничал и переводил разговор на другие темы. Ему, как прозападному интеллигенту, как представителю привилегированного класса, неприятен был разговор о коллективистских духовных возможностях самых низов русского народа. Любой эгоцентрист, гедонист из числа русских аристократов или людей творческих профессий всем своим существом чувствовал в проявлениях этого духовного народного феномена смертельную опасность для своей мерзкой эгоистичной никчёмной жизни, где чаще всего исповедовался эгоцентризм и гедонизм. И подобным образом мыслило большинство дворянской «элиты». Поэтому *«русское преосвященство живёт в атмосфере дикого произвола и шаткого субъективизма, — писал русский философ Д.И. Чижевский. Далее в своих размышлениях он приводит мнение «просвещенской критики», которая так «объясняла» близким им по духу «просвещённым» читателям содержание романа «Война и мир»: «Недалёкий унтер рассказывает в глухой деревне о своих военных похождениях».*

Любой творческий человек велик (или не очень) — именно глубиной или качеством своих знаний о народе. От этого зависит способность поэта или прозаика проникнуть в его коллективную душу. В книге «Народы перед зеркалом» есть одно точное выражение: *«Способ приспособления к действительности отличает народы друг от друга».* Этот «способ» надо знать, анализируя образцы поведения нации на протяжении столетий. Но барски-мещанское отношение к соотечественникам нашей дворянской «элиты» не позволило нам как нации достичь гармоничной непобедимой духовной зрелости.

Великий русский философ И.А. Ильин не боялся употреблять слово «национализм» в положительном значении. Он считал *«дух — источником правосознания, истинного патриотизма и национализма, как главную основу здоровой государственности и великой культуры».* То есть, кроме горстки националистически настроенных хулиганов, которые шумят на улицах, — у значительного числа русских людей существовало и ныне существует здоровое чувство национализма как основы здоровой государственности, без какой-либо «ненависти к другим народам».

Сейчас уже не узнаешь, употреблял ли учёный Д.С. Лихачёв страшилку о «ненависти к другим народам» по своему убеждению, или просто повторял политически-ангажированное враньё либералов, чтобы не вызвать их гнев и другие неблагоприятные последствия? Философ И.А. Ильин после революции 1917 года в числе других крупных учёных был отправлен большевиками в Западную Европу на «философском пароходе». Можно сказать, что в плане свободы мысли Ильину больше повезло. Д.С. Лихачёв вырос в советское время и начал свою научную деятельность среди «токсичного» (как нынче выражаются) окружения российских космополитов. Как видно из содержания «Заметок о русском», чтобы учёному «выжить» в столичной (часто русофобской) научной среде, надо было умело обходить все острые углы, связанные с национальным вопросом.

Чтобы не обсуждать «русский вопрос», какие только «идеи» не вбрасывают в общественное сознание публицисты, которые живут «под ногами не чужа страны». Вот что проповедуется в либеральном журнале «Новый мир»: *«В целях сохра-*

нения государства необходим решительный отказ от «органического» в пользу политического понимания нации: происхождение, раса, этническая принадлежность не лишены полностью смысла, но не являются решающими: главное — это воля составлять единое государственное сообщество». Даже школьник, не изучавший логики, заметит грубую ошибку в данном рассуждении. Совершенно непонятно, из чего вдруг возникнет сама «воля составлять единое государство»? Чтобы воля объединиться вдруг возникла, большинству надо найти общие цели, а для этого надо, чтобы у большинства, или самой активной части народа, — совпали представления о них. Именно происхождение, раса, этническая принадлежность — решающим образом влияют на взаимоотношения больших масс людей, на их общую судьбу.

Идея «политической нации» в той или иной форме могла возникнуть в головах тех публицистов, которые позиционируют себя по крайней мере со средним классом, и думают только о том, чтобы приспособиться к реалиям всемирного общества потребления и встроиться в мировые рыночные отношения. Но «рыночники» забывают главное: «политическая нация» — образование непрочное, временное, что не раз было доказано в истории. Кроме экономической и политической целесообразности (например, для ведения бизнеса) любому большому сообществу людей для выживания в качестве сильного сообщества — необходимы мощные духовные скрепы! Без глубинной любви к своей нации невозможно добиться максимальной мобилизации общества при решении самых важных общенациональных задач! Без этого вообще невозможно долго быть сильной самостоятельной нацией, сильным государством.

Полезно здесь обратиться к опыту национального строительства в СССР. Авторы изданной в 2014 году книги «Народы перед зеркалом» в целом мыслили верно, когда писали: *«Русскость — сознательно выбранная система ценностей и угол зрения. <> Большевизм ввёл в закон русские культурные традиции — коллективизм и агрессивный анти-индивидуализм, отрицательное отношение к богатству, традицию сильной государственной власти, мессианизм. Для русских советский вариант социализма стал важной составной частью национальной идентификации».*

Вот тот самый духовный фундамент для реализации идеи объединения, на котором русская нация проявила великую волю и построила невиданной силы империю. Возможно, в крепости этого фундамента — заложен главный секрет нашей победы во Второй мировой войне.

Но всё же в Советском Союзе не было достаточных условий для сохранения и развития русской нации на долгую перспективу. В книге «Русский мир» известный учёный Наталья Нарочницкая первой среди социологов задала вопрос: *«Может ли сейчас русский народ в состоянии демографической катастрофы и исторической усталости быть... имперским народом?».*

«Историческая усталость» объясняется тем, что множество факторов, которые формируют полноценную нацию, в поздний советский период было по незнанию упущено или под мощным влиянием космополитической части советского руководства сознательно удалено из системы воспитания и повседневной социальной практики.

А начинали мы хорошо! Известный писатель Николай Дорошенко верно отметил: *«У советской цивилизации, как и у Древней Греции, наивысшими в иерархии человеческих ценностей были героические деяния, требующие от человека*

наивысшего напряжения его душевных и физических сил». «Русскость», как и «имперскость» (что было лучшим средством укрепления новой общности), надо было подпитывать, стимулировать, поощрять всеми средствами, которые имело государство и общество. Революционный пыл с годами естественным образом начал угасать. Для поддержания боевого настроения советскому человеку нужны были новые книги типа «Как закалялась сталь», героические пьесы и фильмы.

В начале пути к социализму еще не «модифицированная» (по определению Николая Дорошенко) российская интеллигенция с помощью своих мощных нравственных энергий помогла большевикам совершить революцию. А потом самая сплочённая и влиятельная её часть — космополиты — явно заскучала. Коллективистская духовная атмосфера в новой России их стала сильно напрягать. Эстетическая простота, весь уклад жизни бывшего русского крестьянина, пополнившего многочисленный городской пролетариат, раздражали космополитов. Бесил и сам восставший рабочий люд. «На роль чистильщиков советская власть приглашала всякую сволочь безупречно пролетарских кровей», — так писала критик Майя Кагарская со свойственным ей максимализмом космополита в книге «Апология жанра», где отвергла «советский проект» из-за его непривлекательности для русской интеллигенции. Под «русской» — она, разумеется, имела в виду «своих». Об этом красноречиво говорит другая цитата из упомянутой выше книги «Апология жанра»: «холодок неприкасаемости и личного достоинства», о котором всегда мечтала эта самая интеллигенция, она никогда не могла достичь в России. Бедная она, бедная!

3

Как написал академик Д.С. Лихачёв в своих «Заметках о русском»: «Из глубины литературной вселенной идут гравитационные волны излучения». Так создаётся «мировоззренческий фон». Каким мутным у нас в стране на протяжении целых исторических периодов был этот «фон», описывал русский философ В.В. Розанов. Когда он учился в Костромской гимназии, ему очень не понравилось преподавание предметов, в которых отражена наша история, литература и наша вера: «Только доучившись до VI класса, я бы узнал, что "был Сусанин"»; «Учась в Симбирске — ученик ничего не знал о Свяге, о родных поэтах — Аксаковых, Карамзине, Языкове. Учась в Костроме — ничего не ведал о Ипатьевском монастыре, о чудотворном образе (местной) Феодоровской Божьей матери. Учась в Нижнем, ничего — о Унже (река) и её староведах».

Таким был «мировоззренческий фон» во многих губерниях царской России. Монастыри, поэты-патриоты, старoverы — все символы, все проявления национальных особенностей, всё, что может напомнить о Православии, об истории нашей большой Родины, ориентированная на «западные ценности» российская «элита» старалась не пропагандировать, замолчать, забыть! Вызывали отторжение сами разговоры про наш «особый путь». Пусть лучше будет всё, как в тёплых долинах Франции и ущельях Швейцарии. Правда, две трети нашей российской территории нерентабельны, в стране производится недостаточно национального продукта — но сделаем былью хотя бы для избранного меньшинства сказочку о капиталистическом «рае», в которую поверило большинство наших граждан!

В начале двадцать первого века содержание учебных программ в российских регионах нисколько не патриотичнее. Несколько лет безуспешно я просил заве-

дующих библиотеками моего города выписать, хотя бы для читального зала, столичный журнал «Наш современник». Начальство ссылается на запрет чиновников министерства культуры края. Они прямо не запрещают. Они просто пишут, на какие либерально-демократические журналы будут перечислены финансовые средства. Как правило, это «Новый мир» и «Знамя».

Антипатриотический «фронт» в России сегодня действует по многим направлениям общественной жизни. Его создание необходимо «сильным мира сего» для формирования российского общества потребления как части аналогичного мирового сообщества. Государство в такой стране — часть сферы услуг и не более того.

В сознание победившей у нас «элиты» и среднего класса заложена определённая философская основа, которую, чаще всего, можно назвать *эгоцентризмом*. «Жизнь для себя, любимых» организуется при мощном идеологическом воздействии на обывательскую среду всеми информационными средствами, соответствующей организации быта, всей окружающей среды. О некоторых особенностях процесса «переформатирования» русского сознания писала критик Майя Кагарская: *«Русский символизм восстал не против гражданственности вообще, но лишь против гражданственности устаревшей, социальной, и предложил гражданственность новую мистическую (мессианскую)»*.

Но никакой «мистики», и тем более, «мессианства» у их приверженцев не получилось. Основной массе прозападной российской элиты нужно было оправдать своё духовное предательство родины ради комфортной жизни на Западе. Этой задаче были подчинены все формы культурного воздействия. Историк литературы Святополк-Мирский в одной из своих работ очень верно заметил, что *«эстеты заменили долг красотой, и с помощью индивидуализма освободили индивидуума от всяких общественных обязанностей»*.

Постепенно в течение одного века сформировался особый вид «интеллигента». Его суть в 2016 году описывал журнал «Новый мир», очевидно в качестве положительного примера: *«Для Домбровского человеческое самостояние, гордость личности, независимость, полная индивидуальность была гораздо важнее этих государственных интересов и нужд, которые были у Александра Исаевича»*.

Чтобы властвовать и управлять многочисленным населением в условиях нашего «рынка», надо было возбудить в нём самые примитивные чувства, сформировать в государстве мещанский тип поведения обывателя, равнодушного к духовным проблемам российского общества, к вопросам строительства социального государства. По телевидению должны идти телепередачи о семейных разборках, дележе имущества, и другие сюжеты о буржуазном быте среднего класса. На театральной сцене — спектакли с голыми актёрами. Литература должна быть только развлекательной. Критик Алексей Татаринов пишет: *«Новейшая литература (я говорю об относительно тиражной продукции двух монополистов: «ЭКМО» и «АСТ») стоит на двух китах: шок-фабула и шок-стиль. Надо, чтобы читателя трясло от события-триллера и речевого потока ненормативности»*.

Публицистика и литературная критика толстых журналов либерального направления почти во всех статьях стыдливо прячет философские взгляды почитаемых ими авторов за литературоведческими терминами и общими рассуждениями о языке и стиле. Для маскировки, например, в статьях о нашей поэзии, непримиримый антагонизм взглядов может изображаться либералами и им сочувствующими авторами как невинное соперничество *«различных спектров поэтических пристрастий отечественных ценителей рифмованного слова»*.

Это цитата из статьи А. Канавщикова в журнале «День и ночь», где рассказывается о поэтах Юрии Кузнецове и Иосифе Бродском. Есть в статье обнадеживающие слова о том, что *«вторая половина двадцатого столетия прошла под знаком схождения с высот мировой культуры до русского национального вопроса»*. И всё... развить русскую тему дальше — не хватило смелости. Дальше общие рассуждения о том, что два поэта схожи *«со своими планетарностями и намеренными философскими обобщениями, где нет ни Акакиев Акакиевичей, ни станционных смотрителей в принципе»*.

Оба поэта представлены как *«авторы глубоко трагичной концепции, несущие изначальные разрушения и хаос, смуту и разлад»*. В статье утверждается, что *«вместо индивидуалистической проповеди Бродского у Кузнецова всё оформлено лишь в более понятные почвеннику одежды и мифологемы»*.

Вот ведь как просто! Никто в своё время не предостерег «почвенника» поэта Юрия Кузнецова, что со своими «философскими обобщениями» рискует он попасть в один литературный ряд с российскими космополитами. И будут они ошибочно считать его своим. Ход рассуждений публицистов из либерального лагеря примерно таков: представьте себе невероятное, анализируются стилистические особенности языка авторов двух «Кулинарных книг» — людоеда и вегетарианца, — и на том основании, что оба пишут о еде, утверждается, что авторы похожи и делают одно благородное дело. Один выступает в качестве «поэтического противовеса» для другого. Всего лишь. Так же невинно изображена в статье «индивидуалистическая проповедь» поэта Бродского. По мысли либерала — автора статьи в журнале «День и ночь», Юрий Кузнецов — такой же «индивидуалист», но только «переодетый в одежды почвенника».

На самом деле, Кузнецов — это совсем другой духовный мир. «Почвенник» — это не одежда для маскировки сущности самодовольного гордеца, а нравственная и гражданская позиция гражданина и творца. У поэта Кузнецова другой взгляд на свою страну и на своё место в ней. Он верил в историческое миссионерское предназначение России, он был готов творчески трудиться на благо России так, как трудились её лучшие патриоты.

В России каждый день на всех направлениях общественной жизни продолжается идеологическая борьба за сохранение русской нации. Это касается не только литературы и искусства. Это имеет прямое отношение к среде обитания. Например, на Урале Леонард Постников организовал «Парк истории реки Чусовой». В 1997 году поэт Евгений Евтушенко прошёл по этому парку, где его взору представили крестьянские дома, часовни, кузня и ветряная мельница, и воскликнул: «Да-а, здесь бы я тоже стал русским националистом!».

Использованные источники:

1. С. Чупринин. «Вот жизнь моя», журнал «Знамя», № 11-2014.
2. Ю. Кублановский. «Десятый», журнал «Новый мир», № 4-2013.
3. Русские философы — конец XIX, середина XX века. М., издательство «Книжная палата», 1996.
4. «Народы перед зеркалом». Дружба народов, 2014 г.
5. И.А. Ильин. «Аксиомы религиозного опыта». Издательство Белорусского экзархата, 2006 год.

6. Сергей Солоух. «Сопоставляя сопоставимое», журнал «Новый мир», № 9-2018.
7. Н. Нарочницкая. «Русский мир», С.-Петербург, Алетейя, 2008 г.
8. Н. Дорошенко. Журнал «День литературы», № 2-2019.
9. Майя Кагарская, «Апология жанра». Москва, издательство «Текст», 2014.
10. Василий Розанов, «Уединённое». Сочинения, М., ЗАО Издательство ЭКС-МО-Пресс, 1998 г.
11. Д.П. Святополк-Мирский. История русской литературы, 2005 г., Новосибирск, издательство «Свиньин и сыновья».
12. Наш современник, № 2-2019.
13. Журнал «День и ночь», № 6-2013; № 3-2017.